

*Данный роман является вымыслом.
Любое сходство с реальными людьми или событиями
непреднамеренно и случайно.*

Глава 1

Происшествие

Вечером 3 февраля 1928 года на Москву опустился густой молочный туман. Съел Кремль красностенный с царскими орлами на башнях, хмуро косящимися на советскую столицу, накрыл белой подушкой храм Христа Спасителя, стер стоящий в центре города готический замок — универмаг Мосторга¹, поглотил улицы и здания. Фонари светили во всю мочь, но свет их оказался бессилен против окутавшей землю белой мглы. Люди ползли сквозь нее, как призраки, охая и натываясь друг на друга.

В десятом часу вечера туман достиг такой густоты, что видимость упала до нескольких метров. На Страстной площади словно растворился в пространстве бывший монастырь, ныне занятый университетом имени товарища Сталина, и пропал из виду памятник великому поэту, стоящий напротив. Электрические рекламы «Известия ЦИК СССР»

¹ Сейчас ЦУМ.

и «Рабочая Москва», светящиеся наверху соседних зданий, едва поблескивали сквозь туман.

— Ох, что делается-то, что делается! — сокрушалась вагоновожатая трамвая, который по-черепашки медленно пробирался по рельсам, заворачивающим на площадь. — Что делается, что делается...

Она яростно дернула за звонок — должно быть, в тысячный раз за нынешнюю смену. Свет трамвайных фар выхватил из тумана лошадиную морду, оказавшуюся в опасной близости от вагона, и бок извозничьего ватника. Столкновения не случилось, но крепкий русский мат огласил зимнюю ночь, и вагоновожатая тоже в долгу не осталась, на каждое слово отвечая двумя, а то и тремя. Это была простого вида женщина лет, должно быть, тридцати — а впрочем, в таком тумане ничего нельзя было сказать наверняка.

— Так и лезут под колеса! — в сердцах добавила она после перепалки, сама хорошенько не зная, к кому обращается.

В вагоне в этот поздний час было всего четыре человека, и ближе всех к вожатой сидел парень в куцем пальтишке цвета не то серого, не то коричневого, не то линялого черного — одним словом, того трудноуловимого оттенка, который, тем не менее, идеально сливается с обладателем с окружающей толпой. Он поднял воротник, надвинул на уши картуз, подбитый мехом неизвестного науке животного, и смотрел в окно, за которым стыл белесый кисель тумана. Иногда незнакомец поворачивал голову к вагоновожатой, и она видела, как блестят из-под козырька его глаза.

Бывают глаза-пуговицы, ничего ровным счетом не выражающие, кое-как пришила их природа к физиономии индивида — и выпнула его в мир, не заботясь более о судьбе обладателя пуговиц. Но с незнакомцем дело обстояло совсем иначе: в его глазах читались сообразительность, внимание, сочувствие — и все это побуждало вагоновожатую выговориться, хотя обычно она не страдала излишней словоохотливостью и ее общение с пассажирами не выходило за рамки предписанных ее профессией тем.

— Страстная площадь! — объявила она.

Вагон дернулся и остановился. Трое пассажиров вышли, осторожно ступая, но вагоновожатая знала, что парнишка останется. До сегодняшнего вечера она видела его несколько раз, и он всегда доезжал до Театральной площади — ныне Свердлова, — где пересеживался на другой трамвай.

— Это какой маршрут? — закричал гражданин в солидном пальто с бобровым воротником, подойдя к вагону.

— Не видишь, что ли? — крикнула вагоновожатая в ответ.

— Ни пса не видать, — отозвался гражданин хладнокровно.

— Шестой трамвай, шестой! До Преображенской заставы...

— А мне первый нужно!

— Ну нужно, так жди... Вагон отправляется! — прокричала вагоновожатая, хоть и видела, что никто не сел; но порядок есть порядок. Она дернула за звонок, перевела рычаги, и трамвай пополз по рельсам дальше.

— Спец¹ небось, — добавила вагоновожатая, покосившись на своего единственного пассажира. — И на таксо² деньги есть, а поди ж ты — трамвая ждет... Экономист!

Из седой мглы выкатился грузовик, подмигнул фарами, прополз мимо и провалился в неведомое. Контуры его растаяли в ночи, словно его и не было, он только померещился тем двоим, что ехали в трамвае. Вагоновожатая вздохнула.

— Я такого тумана с двадцать шестого года не видела, — сообщила она молчаливому пассажиру. Он сдвинул брови, припоминая.

— Это когда все трамваи встали? — спросил он молодым, слегка осипшим на холоде голосом.

— Ну.

— Помню, помню. Но тогда еще хуже было. Вообще ничего не видеть.

— Это же мучение — в таком тумане вести, — заворчала вожатая. — А случись чего? Я же и отвечать буду. Тьфу, холера, куда ты прешь...

Обозначенный холерой темный автомобиль такси недовольно погудел и укатил в ночь. Вагоновожатой показалось, что в салоне сидит расфуфыренная в пух и прах дамочка, и настроение женщины в трамвае, одетой в полшубок из овчины, определенно не улучшилось от этого зрелища.

— И почему одним все, а другим — ничего?

¹ Спец и а л и с т — имеющий образование и получающий гораздо больше, чем рядовой рабочий.

² В те годы просторечная форма слова «такси».

Я вот, к примеру, вкалываю, света белого не вижу. Сестра моя на бирже труда состоит, устроиться не может, работы нет.

— Пособие хотя бы платят?

— Посо-обие... — передразнила собеседника вагоновожатая, не отрывая от дороги напряженного взгляда. — Какое там пособие... 25 рублей. Смех один. В прислуги хотела пойти... как сейчас говорят — в дом-работницы. Не берут! Ну что ты будешь делать...

Трамвай полз по Большой Дмитровке, то и дело звеня, чтобы никто не пропустил его приближения, и незнакомец почувствовал, что его начинают утомлять этот однообразный звон, туман, ночь. Они словно двигались по дну какой-то фантастической молочной реки, и казалось, что вот-вот стекла лопнут и их зальет, задушит то, что подстерегает снаружи...

— А-ах!

Слабый вскрик — отчаянный скрежет тормозов — вопль вагоновожатой: «Куды! Стой!» Вагон дернулся, по инерции прокатился еще несколько метров, тяжело ворочая колесами, и остановился.

— Ах, боже мой...

Вагоновожатая, всплеснув руками, выскочила из вагона.

— Осторожно! — крикнул пассажир.

По соседнему пути, гремя и посверкивая обледеневшими стеклами, проплыл трамвай, идущий в обратном направлении. На мгновение человек в пальто непонятого оттенка испугался, что взвинченная вагоновожатая может поскользнуться и сама угодить под колеса, но тут она сунулась в вагон.

— Раздавила! — простионала она, хватаясь за голову, закутанную в теплый шерстяной платок.

— Кого?

— Да не знаю я! — отчаянно вскрикнула вагоновожатая. — Баба какая-то... кажется... Что же теперь со мной будет? Как же я... ах...

Губы ее дрожали, в глазах стояли слезы.

— Клянусь тебе, я на нее не наезжала! Она сама повалилась на рельсы... я даже глазом моргнуть не успела!

— Что значит повалилась?

— Да то и значит! Упала, я тормозить... но она слишком близко была... Я же медленно ехала! И звонок все время давала! Как же... ах... за что...

Ужас и отчаяние боролись в ее лице, и пассажир понял, что его собеседница близка к истерике. Он насупился и поднялся с места.

— Вот что: теперь уже все равно ничего не поделаешь. Милицию зови, постового, что ли... Протокол все равно придется составлять, раз несчастный случай...

Кажется, последние слова немного успокоили вагоновожатую, потому что она несколько раз кивнула, сказала: «Ага, я сейчас, я мигом» — и поспешила прочь. Ноги ее в валенках разъезжались.

Пассажир вылез из вагона, нагнулся, тотчас увидел темный след и кровь на колесах вперемешку с какими-то ошметками, буркнул себе под нос нечто невнятное и двинулся вдоль рельсов в обратном направлении. Через несколько шагов он нашел тело, вернее, то, что от него осталось. Да, это, конечно, была женщина,

но ни возраста ее, ни каких-либо иных примет понять было невозможно. Пассажир повернул голову в одну сторону, в другую — оба края улицы падали в белую бездну, и не было ей конца.

— Эй! — закричал он, даже не зная, на что рассчитывает и на что надеется. — Женщина попала под трамвай! Кто-нибудь что-нибудь видел?

В одном месте туман потемнел, выплюнул согбенную человеческую фигуру. Древняя старушка бочком, бочком подобралась к жертве, поглядела на нее, охнула «Господи, Иисусе Христе», осенила себя крестом, отшатнулась от пассажира и сгинула бесследно. Через мгновение из тумана выскочила дворняжка и, подбежав к месту происшествия, попыталась слизнуть кровь. Пассажир собаку отогнал. Из тумана соткалась еще одна тень, надвинулась на него, оглушив вонью скверной махорки. По виду дворник. Да, точно дворник.

— Э-хе-хе... Эт, значить, улицу переходила — и под трамвай? Ну, что ж... Говорят, легкая смерть...

И от дворника не было толку — он ничего не видел, понятия не имел, кто угодил под трамвай, и хотел только перекинуться парой слов, язык почесать. Наконец вернулась вагоновожатая, за которой шагал, широко расставляя ноги, высокий серьезный милиционер.

— Она сама под трамвай бросилась, — втолковывала ему спутница. — Я, конечно, сразу же затормозила...

— Откуда вы знаете, что она бросилась?

— А как еще она бы оказалась под трамваем? Я весь свет включила, ехала на малой скорости, не отвлекалась ни на что... Да вот и пассажир подтвердит...

— Знакомый, что ли, пассажир?

— Нет, но на линии я его вижу часто. По работе ездит... Я его документ, — ударение на у, — уж изучила. Из угрозыска он...

Милиционер оглядел тщедушную фигуру пассажира и с сомнением протянул:

— Из угрозыска, значит?

— Даже не сомневайся, — пробурчал незнакомец, доставая удостоверение, по которому он действительно оказался помощником агента московского угрозыска. Зовут Иваном, фамилия Опалин, документ, судя по его виду, в полном порядке, а не выправлен задним числом, чтобы кататься в транспорте бесплатно.

— Это правда, что жертва сама бросилась под трамвай? — спросил милиционер, возвращая Опалину документ.

— Не знаю, — честно ответил Иван. — В таком тумане... — он не стал договаривать, а только передернул плечами.

— Да-а, туман, — протянул милиционер, почесывая щеку. — Или, допустим, поскользнуться могла... Ладно. В суде разберутся...

Вагоновожатая застонала.

— Три года трамвай вожу — и без происшествий! Никаких нареканий никогда не было... А вот сегодня... И что ей приспичило именно под мой трамвай свалиться! — закричала она с внезапной

злостью. — Другие — вон! — на таксо раскатывают, и горя им нет...

Туман волнами наплывал на город. Милиционер, признав невозможность заполнять протокол снаружи, принял предложение дворника переместиться в его каморку. Движение на линии остановилось — ждали, пока закончатся все формальности и уберут тело. Опалин стал в нетерпении поглядывать на часы. Наконец все бумаги были подписаны, труп увезли в Лефортовский морг, и вагоновожатая заняла свое место в трамвас. Из-за перерыва в движении на остановках скопилось большое количество пассажиров, и вскоре вагон был уже полон. На Театральной площади Опалин вышел и стал ждать 24-й трамвай, который должен был доставить его к месту назначения.

Глава 2

Одинокий переулок

Вагон прогрохотал по Госпитальному мосту и устремился к конечной остановке, носившей дивное название Синичкин пруд. Кроме названия, тут не наблюдалось ровным счетом ничего завлекательного. Это была окраина Москвы, так сказать, почти нетронутая двадцатым веком. При свете дня случайному прохожему могло даже показаться, что он находится в веке девятнадцатом, а местами из-под подкладки девятнадцатого выглядывал даже не предыдущий век, а вполне себе петровские времена. Деревянные дома перемежались с бараками, кое-где виднелись патри-